

В. К. К е л ь м а к о в, Неизвестная страница истории удмуртского языкознания. Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева. Материалы к спецкурсу, Ижевск 1999. 59 с.; В. К. К е л ь м а к о в, Удмурт кылосбурлэн кылдэмез. XVIII даур. Спецкурслы материалъёс, Ижевск 1999. 60 с.; А. Ф. Ш у т о в, Гипотаксис в удмуртском языке. Пособие для студентов по синтаксису, Ижевск 1999. 101 с.; В. К. К е л ь м а к о в, Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте, Ижевск 2000. 72 с.; В. К. К е л ь м а к о в, Удмуртское языкознание. Зарождение. Этапы истории. Современное состояние, Ижевск 2001. 140 с.

В последние десятилетия XX века, к большому сожалению, вне фундаментальных исследований оставались и остаются до сих пор вопросы грамматики и типологии удмуртского языка. Многие положения, изложенные, например, в научной грамматике удмуртского языка, изданной более четверти века назад (ГСУЯ 1962; 1970; 1974), требуют уточнения и новой интерпретации. Включение начиная с 1972 года (в связи с преобразованием Удмуртского педагогического института в университет) в вузовские программы новых учебных дисциплин («История изучения удмуртского языка», «Историческая грамматика удмуртского языка», «Историческая лекси-

кология удмуртского языка» и т.п.) поставило перед исследователями и преподавателями новую задачу — составление учебников и учебных пособий по этим предметам. Отсутствуют фундаментальные монографические исследования и издания справочного характера по важнейшим проблемам удмуртского языкознания, необходимые в интересах как школьного, так и вузовского преподавания удмуртоведческих дисциплин.

С учетом сложившейся ситуации в 1999 году началась публикация серии препринтов, посвященных некоторым частным, но тем не менее актуальным проблемам удмуртского языкознания. К настоящему времени вышло из печати

пять выпусков, обзор которых и предлагается вниманию читателя.

1. Первый препринт — работа В. К. Кельмакова «Неизвестная страница удмуртского языкознания. Рукописный словарь Владислава Ислентьева. Материалы к спецкурсу» — посвящен одному из интереснейших и малоисследованных аспектов языкознания — письменным памятникам удмуртского языка. В. К. Кельмаков дает детальное описание рукописного словаря Владислава Алексеевича Ислентьева, инспектора народных училищ Елабужского уезда Вятской губернии в конце XIX века.

Композиционно работа состоит из двух не равных по объему глав, в конце приводятся списки сокращений (с. 48) и использованной литературы (с. 48—52), а также приложения (с. 54—58).

В первой главе (с. 5—36) автор рассказывает об истории обнаружения в библиотеке Финно-угорского общества (Хельсинки) словаря удмуртского языка, состоящего из двух частей — удмуртско-русской (5000 слов) и русско-удмуртской (15000 слов) — и составленного В. Ислентьевым в конце XIX века, который в отечественном удмуртоведении вплоть до 90-х годов XX века считался утерянным. В этой же главе В. К. Кельмаков описывает некоторые графические и орфографические особенности словаря, уделяет внимание его диалектной основе и лексическому составу. Он приводит ряд аргументов в пользу необходимости издания словаря, среди них следующие: 1) словарь В. Ислентьева содержит в основном словарный запас одного диалекта и не имеет аналогов в удмуртской лексикографии своего времени (с. 35); 2) этот труд является — наряду со словарями и текстовыми публикациями Б. Гаврилова, Б. Мункачи, Ю. Вихманна и др. — ценнейшим источником для описательной и исторической диалектологии (с. 36); 3) при окончательной доработке в словарь войдет вся лексика словников и текстовых материалов трех остальных печатных книг В. Ислентьева (1888, 1889а, 1889б), что значительно обогатит содержание будущего издания.

Во второй главе (с. 37—48) предлагается проект инструкции к редакцион-

ной подготовке издания удмуртского словаря по материалам В. Ислентьева (с. 37). В. К. Кельмаков пишет, что словарь может иметь четыре составные части: 1) введение (с предисловием о составителе, описанием графики и орфографии и т.д.), 2) грамматическое приложение, 3) корпус словаря и 4) указатель русских и/или иностранных слов. Предполагаемый перевод лексики словаря на один или несколько иностранных языков, безусловно, сделает данный труд очень ценным и для зарубежных исследователей удмуртского языка.

2. Второй препринт — работа В. К. Кельмакова «Удмурт кылосбурлэн кылдэмез. XVIII даур. Спецкурслы материалъёс» (Зарождение удмуртской филологии: XVIII век. Материалы к спецкурсу) посвящен изучению удмуртской филологии (возникновение и начальный этап развития). Это исследование не только актуально, потребность в нем велика в виду отсутствия у преподавателей методических разработок по истории удмуртского языкознания.

Препринт состоит из двух частей, небольшого списка устаревших или малоупотребляемых церковнославянских слов и некоторых лексических новообразований автора. В конце работы даны список использованной литературы и приложения.

Первая часть (с. 5—18) в основном излагает историю просвещения удмуртов в XVIII веке. Автор эскизно описывает историческую обстановку, сложившуюся на территории Поволжья в период с X по XVII век, когда удмуртский народ находился под владычеством сначала Булгарского государства, затем — Казанского ханства и впоследствии Российского государства. Верно отмечено, что просвещение инородцев Поволжско-Приуральского региона, в том числе удмуртов, начинается только в первой половине XVIII века. На этот шаг русских церковнослужителей толкнула, видимо, необходимость всеобщей христианизации, что в дальнейшем и привело к открытию новокрещенских школ.

Во второй части (с. 19—40) рассказывается о зарождении и развитии удмуртской филологии (языкознания, фолькло-

ристики, литературного творчества и т.д.). В. К. Кельмаков приходит к выводу, что особенно успешно развивалось в XVIII веке языкознание, прежде всего лексикология и грамматика.

3. Третий препринт — работа А. В. Шутова «Гипотаксис в удмуртском языке» — представляет собой пособие по синтаксису и посвящен развитию гипотактических отношений в удмуртском языке. Актуальность и новизна его состоят в том, что автор рассматриваемые им конструкции впервые подвергает «диахронному изучению с учетом первых письменных памятников до наших дней» (с. 12).

Композиция работы отличается четкостью и логичностью. Исследование состоит из введения, основной части, включающей пять глав, списка литературы (57 названий) и заключения в виде таблиц. Во введении (с. 3—12) читатель знакомится с термином «гипотаксис», историей изучения синтаксиса удмуртского языка, оценкой конструкций анализируемого типа (предложения с инфинитивными глагольными и прочими конструкциями) в родственных удмуртскому и тюркских языках.

В первой главе «Порядок слов и гипотаксис» (с. 13—21) речь идет о древнем порядке слов, который относительно устойчиво сохранился в марийском, удмуртском, самодийских и обско-угорских языках (с. 13). Рассматриваются труды некоторых исследователей по данному вопросу (П. П. Глезденева, И. В. Яковлева и др.). Анализируя словорасположение в удмуртском языке, автор приходит к выводу: прямой (т. е. древний) порядок слов в основном сохраняется в письменной прозаической речи. А. Ф. Шутов отмечает взаимосвязь между древним словопорядком и развитием гипотактических отношений в удмуртском языке, которая проявляется в том, что «вопросительные слова (местоимения и наречия) ставятся не в начале вопросительного предложения, а внутри него перед сказуемым» (с. 19).

Во второй главе (с. 21—28) констатируется существование в удмуртском и в целом в пермских языках двух разновидностей конструкций с неспрягае-

мыми формами глагола: моносубъектные (с одним субъектом в основной части предложения) и немоносубъектные, «стержневое слово которых выражает действие, не относящееся к субъекту, выраженному подлежащим» (с. 22). Автор считает, что предложения с немоносубъектными конструкциями возникли из двух самостоятельных предложений (с. 23) и являются одной из древних форм выражения гипотаксиса в удмуртском языке. Анализируя трансформацию сказуемого при соединении двух простых предложений с целью подчинения одного другому и оперируя большим фактическим материалом (примерами из художественных произведений), он приходит к следующему выводу: наряду с придаточными предложениями, конструкции с неличными формами глагола, в которых, например, глагол-сказуемое превращается в *м*-овое, *н*-овое отглагольное имя или *н*-овое причастие, являются весьма продуктивным средством выражения гипотаксиса в удмуртском языке (с. 28).

Третья глава «Постпозитивные союзы в сложноподчиненных предложениях» (с. 28—33) посвящена употреблению этих союзов в придаточной части сложноподчиненного предложения. Автор отмечает, что в удмуртском языке, в отличие от других родственных языков, союзное подчинение реализуется значительным количеством постпозитивных союзов (с. 28), которые могут находиться как в конце, так и в середине придаточного предложения.

В четвертой главе «Гипотактические конструкции в евангелиях 1847 и 1992 гг.» (с. 33—41) А. Ф. Шутов описывает историю изучения сложноподчиненных предложений в удмуртском языке.

Пятая глава «Переходные явления в выражении гипотаксиса» (с. 41—49) представляет собой описание промежуточных случаев и аномальных явлений при выражении гипотаксиса в удмуртском языке. Прежде всего, это случаи с глаголами типа *кожаны* 'думать', *потыны* 'казаться', когда в рамках двух примыкаемых простых предложений выражаются объектные отношения. Другой способ — явление плеоназма, который передается, с одной стороны, двойным обозначе-

нием субъекта действия — с помощью подлежащего и притяжательного суффикса при стержневом слове — и, с другой, употреблением двойных средств связи (союзов).

Вместо заключения автор излагает микроисторию гипотактических конструкций в таблицах (с. 54—100), которые содержат примеры, собранные в основном путем сплошной выборки из различных источников (всего — 38), от евангелий и азбук первой половины XIX века до современных удмуртских литературных произведений, т. е. дает статистический анализ употребительности параллельных конструкций.

4. Работа В. К. Кельмакова «Удмуртский язык в типологическом и контактологическом аспекте» (четвертый препринт) состоит, хотя это и не выделено структурно, из трех частей: 1) общие сведения об удмуртском языке и его носителях (с. 5—9); 2) особенности удмуртского языка как агглютинативного (с. 9—37); 3) история заселения удмуртских земель русскими и удмуртско-русские языковые контакты (с. 37—59).

Первая часть знакомит читателя с членением удмуртского языка на диалекты и говоры и расселением удмуртоязычного населения по России и сопредельным странам.

Вторая часть посвящена особенностям удмуртского языка. Автор вкратце рассказывает о возникновении удмуртской письменности сначала на основе латинской графики, а впоследствии и на кириллице, дальнейшем совершенствовании обозначения специфических звуков удмуртского языка, не имеющих соответствий в русском. Дается характеристика вокалической и консонантной систем удмуртского языка, особенностей фонемной синтагматики и грамматического строя (в морфемике, словообразовании, морфологии и синтаксисе). В. К. Кельмаков справедливо отмечает, что «особенности грамматического строя удмуртского языка и его отличия от русской грамматики в значительной мере обусловлены преимущественной агглютинативностью первого, которая сочетается в качестве исключения с определенными чертами флективности, яв-

ляющейся основной особенностью русского языка» (с. 16). Он приводит много примеров, доказывающих, с одной стороны, типологическую принадлежность удмуртского языка к языкам агглютинативного типа, например однозначность служебных морфем, и наличие исключений и нестандартности некоторых из них, например показателя аккузатива, характерные для флективных языков, с другой.

В третьей части работы в основном речь идет о начале контактирования удмуртского и русского языков. Автор останавливается на истории заселения удмуртских земель русскими и выделяет два периода удмуртско-русских контактов: дореволюционный и послереволюционный, каждый из которых в свою очередь делит на периоды. Уделяется внимание фонетической адаптации заимствований, влиянию контактируемого языка на фонологическую систему удмуртского. Воздействие русского языка на удмуртский, отмечает В. К. Кельмаков, обнаруживается почти на всех уровнях последнего. Особого внимания автора заслужили интерференционные явления в удмуртской речи, возникшие также под влиянием русского языка.

Завершает работу довольно большой список, включающий как цитируемую автором литературу, так и важнейшие публикации по удмуртскому языку, его истории и взаимосвязях с другими языками, необходимые для углубленного знакомства с поднятыми вопросами (131 название).

5. Пятый препринт (В. К. К е л ь м а к о в, Удмуртское языкознание. Зарождение. Этапы истории. Современное состояние) представляет собой переработанный и расширенный вариант доклада «Зарождение и развитие удмуртского языкознания», прочитанного В. К. Кельмаковым на республиканской научно-теоретической конференции «Первая грамматика удмуртского языка и развитие удмуртского удмуртоведения, профессионального искусства и образования», посвященной 225-летию издания книги «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка» (Ижевск, 17 ноября 2000 г.).

Работа состоит из двух частей: теоретической, включающей введение, анализ этапов изучения удмуртского языка и заключение (с. 5—82), и списка работ, упоминаемых по ходу изложения истории удмуртского языкознания (с. 83—139).

Во введении (с. 5—9) указываются предпосылки составления грамматик и словарей удмуртского языка в XVIII веке. Историю удмуртской лингвистики автор делит на пять периодов: 1) зарождение удмуртской филологии — XVIII век; 2) начало и середина XIX века; 3) последняя четверть XIX — начало XX века (до середины 30-х годов); 4) середина 30-х — конец 60-х годов XX века и 5) с 70-х годов XX века — до наших дней.

Говоря о первом периоде (с. 9—12), В. К. Кельмаков выделяет первую грамматику удмуртского языка «Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ вотсаго языка» (Санкт-Петербург 1775), вершину языкознания своего времени. Второй период (с. 13—16) характеризуется прежде всего творчеством зарубежных исследователей удмуртского языка Х. К. Габеленца и Ф. Й. Видеманна.

Третий период автор называет «героической эпохой» или «эпохой энтузиастов» (с. 16—22), он отличается текстовыми и словарными публикациями как зарубежных (Б. Мункачи, Т. Аминофф, Ю. Вихманн), так и отечественных (Б. Гаврилов, Н. Первухин, Г. Верещагин) исследователей. Удмуртское языкознание того времени развивалось по двум направлениям: 1) теоретическому (в основном за рубежом), включающему создание словарей, научную публикацию текстов, написание исследований с применением сравнительно-исторического метода, и 2) учебно-методическому (в основном отечественное языкознание) — составление небольших словариков, учебников и грамматических очерков.

Четвертый период, или «время утраченных иллюзий» (с. 22—24), характеризуется неблагоприятными обстоятельствами для лингвистических исследований, пагубно повлиявшими на судьбу теоретического языкознания того времени. Этот период автор называет «тихим прозябанием в тени коллективных работ»

(с. 23): составлялись школьные учебники по удмуртскому языку и разные словари. Однако была написана и научная грамматика удмуртского языка из трех частей. Исследования монографического характера в большинстве своем принадлежали перу языковедов неудмуртского происхождения (Д. В. Бубрих, Г. Стипа, К. Редей и др.) и посвящались общепермским или финно-угорским проблемам, а вопросы удмуртского языкознания затрагивались, за редкими исключениями, лишь попутно.

На наш взгляд, следует выделить оценку автором вклада тех научных учреждений и учебных заведений Удмуртской Республики, которые занимаются разработкой теоретических проблем удмуртской лингвистики (с. 24—39): опубликование коллективных трудов и индивидуальных монографий, организация и проведение научных конференций и симпозиумов по проблемам удмуртского и финно-угорского языкознания в целом. К таким учреждениям относятся следующие: 1) Удмуртский научно-исследовательский институт с его отделом языкознания, 2) факультет удмуртской филологии Удмуртского государственного университета с двумя удмуртскими лингвистическими кафедрами, 3) лаборатория математической лингвистики того же университета, 4) кафедра удмуртской филологии Глазовского государственного педагогического института и 5) Научно-исследовательский институт национального образования Удмуртской Республики. В. К. Кельмаков с сожалением отмечает серьезные недостатки в научно-исследовательской работе этих центров.

Большое внимание в препринте уделено удмуртскому языкознанию современного, пятого, периода (с. 40—79). В это время произошло слияние двух направлений удмуртского языкознания — теоретического исследования языка и прикладной лингвистики — в республиканских научных центрах. В. К. Кельмаков приводит далеко не полный перечень с кратким анализом публикаций по удмуртскому языкознанию (1970—2000 гг.), которые так или иначе коснулись вопросов описательной и исторической

фонетики, лексикологии и лексикографии, морфемного членения удмуртского языка и словообразования, морфологии и синтаксиса, диалектологии, ономастики, типологического исследования удмуртского языка, его контактирования с другими языками, памятников ранней письменности и др. Он вполне справедливо замечает, что научная грамматика, изданная уже более четверти века назад, нуждается в серьезном пересмотре. Совершенно не соответствуют современным требованиям и должны быть переизданы русско-удмуртский и удмуртско-русский словари и т.д.

В заключении (с. 79—82) автор отмечает основные недостатки современного удмуртского языкознания, которые присущи и финно-угроведению в целом. Здесь же он излагает свои соображения по поводу дальнейшего развития удмуртского языкознания. Настоятельно необходимы, например, монографические исследования в области лексикологии, фонетики, графики, морфологии, синтакси-

са, исторической фонетики, истории удмуртского языкознания и др.; различные словари (диалектологический, этимологический, топонимический и т. д.); общая библиография публикаций по удмуртскому языку и многое другое.

Библиографический список (с. 83—139), включающий 683 работы, к сожалению, как признает автор (с. 43), далеко не полон. Чтобы составить библиографию публикаций, затрагивающих проблемы удмуртского языкознания, необходимо проработать все исследования, касающиеся уралистики в целом.

В заключение следует отметить, что подобные препринты — это существенный вклад в современную удмуртскую лингвистику. Они могут быть использованы как исследователями в области финно-угорского языкознания и преподавателями удмуртоведческих дисциплин, так и всеми, кому не безразлична история духовной культуры удмуртского народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962 (= ГСУЯ 1962).
- Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения, Ижевск 1970 (= ГСУЯ 1970).
- Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис сложного предложения, Ижевск 1974 (= ГСУЯ 1974).
- Учебникъ русскаго языка для вотяковъ Елабужскаго уѣзда. Составилъ Инспектор народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда Владиславъ Ислентьевъ, Елабуга 1888 (= Ислентьев 1888).
- Букварь и первая учебная книжка для вотяковъ Елабужскаго уѣзда. По способу нагляднаго обученія составилъ Инспектор народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда Владиславъ Ислентьевъ, [Казань] 1889 (= Ислентьев 1889а).
- Руководство къ преподаванію грамоты и русскаго языка по букварю, первой учебной книжкѣ и учебнику для вотяковъ В. Ислентьева. Въ двухъ частяхъ. Составилъ Инспектор народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда Владиславъ Ислентьевъ, Казань 1889 (= Ислентьев 1889б).

Л. М. ИВШИН (Ижевск)